

**ЮДИН
АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

профессор кафедры
гражданского
процессуального и
предпринимательского права
Самарского государственного
университета, доктор
юридических наук

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА ПРАВ НА СПОРНОЕ ИМУЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ РАССМОТРЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ИЛИ СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ*

В судебной практике нередки ситуации, когда ответчик в период рассмотрения дела совершает фактические и юридические действия, направленные на передачу прав в отношении спорного имущества другим лицам, что затрудняет или делает невозможным удовлетворение исковых требований. Как правило, это случается, когда по тем или иным причинам не срабатывает потенциал обеспечительных мер. Подобные ситуации порождают целый ряд проблем процессуального характера, обсуждаемых в настоящей статье.

Ключевые слова: отчуждение спорного имущества, обеспечительные меры, изменение исковых требований, привлечение к делу новых участников процесса, мнимая сделка, собирание доказательств

Система вещно-правовых способов защиты прав на имущество позволяет обеспечить реальную защиту прав истца не только при условии, что им заявлен иск, отве-

чающий природе сложившихся отношений (виндикационный, о признании права, о возврате неосновательного обогащения и т.д.), но и при условии, что присуждаемое имущество *на момент вынесения решения существует в натуре и находится именно у того лица (ответчика), у которого оно истребуется*. В противном случае реа-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-13-63001).

лизация решения окажется невозможной (например, вследствие того, что спорное имущество уже передано другому лицу), законность и обоснованность решения могут быть легко опровергнуты в суде второй инстанции (например, по жалобе лица, не привлеченного к участию в деле и являющегося новым собственником спорного имущества, чьи права нарушаются принятым судебным актом), а приведение решения в соответствие с существующими отношениями потребует дополнительных процессуальных операций (например, разъяснения решения для установления тождественности присужденного объекта объекту, существующему в действительности, изменения порядка и способа исполнения в случае, когда вместо имущества ответчик будет присужден к уплате денежной суммы).

Для предотвращения большинства рассматриваемых ситуаций процессуальный закон закрепляет институт обеспечения иска (гл. 13 ГПК РФ) и обеспечительных мер арбитражного суда (гл. 8 АПК РФ). Их применение позволяет предотвратить переход прав на имущество во время рассмотрения дела, с тем чтобы решение суда могло быть исполнено. В абз. 1 п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее — Постановление № 10/22) высшие судебные инстанции формулируют своего рода программную цель при рассмотрении дел о правах на имущество: «В целях обеспечения нахождения имущества во владении ответчика в период судебного спора о праве на это имущество (курсив наш. — А.Ю.) суд по ходатайству истца может принять обеспечительные меры, в частности запретить ответчику распоряжаться и/или пользоваться спорным имуществом (арест), запретить государственному регистратору изменять запись в ЕГРП о праве на это имущество, передать спорное имущество на хранение другому лицу в соответствии с пунктом 2 статьи 926 ГК РФ (судебный секвестр)».

Однако далеко не всегда обеспечительные меры способны предотвратить переход прав на спорное имущество в ходе арбитражного или гражданского процесса. Это возможно в нескольких случаях: 1) отказ суда в применении мер по обеспечению иска, поскольку истец не доказал угрозу отчуждения имущества ответчиком; 2) необращение истца с заявлением о применении обе-

спечительных мер в связи с нахождением имущества в его владении, что позволяет ответчику совершить сделку в отношении спорного имущества без его реальной передачи контрагенту по сделке (т.е. отчуждение имущества просто «на бумаге»); 3) отсутствие учета прав на движимые вещи, что понижает эффект от ареста такого имущества и позволяет практически бесконтрольно передавать права на него; 4) оформление договора об отчуждении имущества задним числом до применения обеспечительных мер, и т.д.

Описываемые ситуации с отчуждением спорного имущества дают множество поводов для цивилистических изысканий¹ (добросовестность лица, приобретающего имущество, состоящее под спором; основание недействительности соответствующей сделки по отчуждению; отчуждение имущества, состоящего под спором, с точки зрения запрета злоупотребления правом), однако мы ограничимся преимущественно процессуальными проблемами.

Постановка и разрешение процессуальных проблем во многом определяются выявлением *мотивов/причин, по которым во время рассмотрения спора происходит отчуждение спорного имущества*. В ряде случаев оно может быть вообще никак не связано с идущим процессом. Например, приобретатель вещи по договору купли-продажи производит ее отчуждение в пользу третьего лица, будучи связан обязательствами из предварительного договора купли-продажи с таким лицом, несмотря на наличие иска первоначального продавца о признании недействительным договора купли-продажи и применении последствий его недействительности. Хотя причина отчуждения имущества в данном случае никак не связана с самим процессом, совершивший акт отчуждения имеет для него значение. Не будет преувеличением сказать, что *в большинстве случаев отчуждение имущества во время процесса заставляет искать недобросовестный мотив совершенных действий*. Действительно, добросовестный и разумный участник гражданского оборота предпочтет дождаться окончания разбирательства, прежде чем отчуждать или приобретать вещь, в отношении которой имеются притязания третьих

¹ См., напр., одну из наиболее ранних работ на эту тему: Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. СПб., 1894.

лиц, с тем чтобы впоследствии не быть обвиненным в возможной злонамеренности и не стать ответчиком по иску о взыскании убытков и (или) отыскании спорной вещи. Наиболее распространенный и лежащий на поверхности мотив для отчуждения спорного имущества ответчиком или другим лицом, в равной мере обладающим или не обладающим каким-то процессуальным статусом, сводится к тому, чтобы увести такое имущество из-под потенциального взыскания при удовлетворении исковых требований. Неслучайно, абз. 1 ст. 303 ГК РФ предоставляет лицу, истребующему вещь из чужого незаконного владения, право добиваться от добросовестного владельца возврата или возмещения всех доходов, которые он извлек или должен был извлечь, со времени, когда получил повестку по иску собственника о возврате имущества. С этого момента правовое положение добросовестного владельца приравнивается к положению владельца недобросовестного, обязанного возместить все доходы от имущества.

Помимо «спасения» имущества в результате его отчуждения в период спора, привлекательность этого варианта поведения обусловлена и другими обстоятельствами: 1) отсутствие имущества у ответчика делает невозможным удовлетворение требований к нему; 2) переход прав на имущество к другому лицу связывается с необходимостью изменения исковых требований в части фигуры ответчика, основания заявленных требований и избрания способа защиты права, что не всегда выполнимо в рамках возбужденного дела; 3) лицо, приобретшее имущество, начинает позиционировать себя в качестве добросовестного приобретателя.

Сравнительно легкая оборачиваемость объектов гражданских прав, которые могут сменить своих правообладателей за относительно короткий промежуток времени и могут быть видоизменены сами (например, лицо изменяет соотношение принадлежащих им долей в общей собственности, в результате чего истребуемая доля прекратит свое существование как объект гражданского права), слабо соотносится с имеющимися у истца процессуальными возможностями, позволяющими ему также быстро видоизменять заявленные требования соответственно изменяющимся материальным правоотношениям.

Это обстоятельство связано с императивностью норм процессуального закона, проявляющейся в строгой формализованности процессуальных действий, в необходимости сохранения целостности заявленного иска, непротиворечивости его элементов (одновременное изменение предмета и основания исковых требований не допускается), в правилах подведомственности и подсудности (измененное требование может быть отнесено к компетенции другого суда), в необходимости соблюдения процессуальных сроков (привлечение к делу новых участников затянет его рассмотрение), в неотрегулированности отдельных процессуальных операций (например, в ГПК и АПК РФ не решен вопрос о возможности заявления дополнительных требований; неясно, что значит уточнение исковых требований), в необходимости соблюдения прав ответчика (изменение требований повлечет нарушение его права на защиту, поскольку истец изменяет содержание и объем «обвинения»). В таком положении заключено существенное противоречие: если новое нарушение прав истца посредством отчуждения спорного имущества, делающее невозможным удовлетворение его требований и возврат вещи, — это одномоментный акт, то процессуальное реагирование на него сталкивается с известными трудностями.

Противодействие подобным сценариям со стороны суда (о чем свидетельствуют также материалы судебной практики) может строиться на основе нескольких алгоритмов, использование которых должно определяться особенностями каждого конкретного дела.

1. Процессуальное игнорирование факта перехода прав на имущество к другим лицам. Суд может занять позицию, согласно которой он будет оценивать правоотношения применительно к моменту обращения за судебной защитой. Любые сделки со спорным имуществом, совершенные после этого срока, не принимаются во внимание, поскольку недобросовестность ответчика-отчуждателя в таких случаях презюмируется.

Так, например, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 13.11.2012 № 7454/12 по делу № А24-1270/2011 отмечалось, что после возбуждения Определением ВАС РФ от 28.05.2012 надзорного производства и передачи его Определением от 27.08.2012 на рассмотрение Президиума Карпова Е.В. произвела отчуждение принадлежащей ей части доли в уставном капитале общества в размере 50% в пользу сторон-

него лица. Согласно сведениям из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) на дату рассмотрения дела Президиумом участниками общества являются Комиссаров К.П. с долей в уставном капитале в размере 25%, Кулакова Т.Г. с долей в уставном капитале в размере 25% и Ганусов А.М. с долей в уставном капитале в размере 50%. Поскольку настоящий иск по существу направлен на восстановление корпоративного контроля Комиссарова над обществом, недобросовестное поведение Карповой во время рассмотрения дела, вследствие которого удовлетворение иска становится невозможным, не должно препятствовать реализации права Комиссарова на судебную защиту.

2. Негативная оценка судом сделок по передаче прав на спорное имущество другим лицам и последствий таких сделок с опорой на гражданско-правовые средства. Суд в целях защиты прав истца, чей иск стал бесперспективным в связи с переходом прав на имущество от ответчика к другим лицам, может дать юридически негативную оценку сделкам, опосредующим такой переход. При этом не возникает необходимости в специальном заявлении требования об оспаривании сделок и суд действует исключительно по своей инициативе. Как известно, ничтожная сделка недействительна независимо от ее судебного признания таковой (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

Обратимся к Постановлению Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10467/11.

Самойлова А.С. обратилась в Арбитражный суд Калининградской области с иском к ООО «Царево» (далее — общество «Царево»), ООО «Балтстрой» (далее — общество «Балтстрой»), Самойловой А.В. о признании права собственности на долю в размере 50% уставного капитала общества «Царево» номинальной стоимостью 5000 руб. и обязанности общества внести в ЕГРЮЛ изменения, касающиеся сведений о ней как учредителе (участнике) юридического лица и размере ее доли в уставном капитале общества «Царево», а также о признании права собственности на долю в размере 50% уставного капитала общества «Балтстрой» номинальной стоимостью 5000 руб. и обязанности данного общества внести в ЕГРЮЛ изменения, касающиеся сведений о ней как учредителе этого юридического лица и размере ее доли в уставном капитале общества.

Решением Арбитражного суда Калининградской области от 29.09.2010 в удовлетворении исковых требований отказано. Постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.12.2010 решение суда первой инстанции отменено, исковые требования удовлетворены. ФАС Северо-Западного округа постановлением от 22.04.2011 оставил без изменения постановление суда апелляционной инстанции. Президиум ВАС РФ в Постановлении от 13.12.2011 № 10467/11 отменил акты судов апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе решение суда первой инстанции, указав при этом следующее.

Как установлено судами и видно из материалов дела, Самойлова А.В. и Хаблюк А.С. являлись участниками обществ «Царево» и «Балтстрой» с долями в уставном капитале обществ, равными 50%. Между Самойловой А.В. и Самойловой А.С. 13.03.2009 заключен договор дарения, по условиям которого Самойлова А.В. передала в дар дочери Самойловой А.С. свои доли в уставных капиталах обществ «Царево» и «Балтстрой», а также долю в уставном капитале ООО «Янтарный Терем» в размере 100%. Сторонами сделки 13.03.2009 подписан акт приема-передачи долей.

Самойлова А.С. обратилась в арбитражный суд с настоящим иском, ссылаясь на то, что обществами «Царево» и «Балтстрой» не внесены изменения в ЕГРЮЛ по составу участников обществ, несмотря на то что генеральный директор данных обществ Шевелев А.И. 13.03.2009 был письменно уведомлен о переходе долей к Самойловой А.С. в связи с дарением. Суд первой инстанции, установив, что Самойлова А.С. не осуществляла правомочий собственника долей и участника обществ «Царево» и «Балтстрой», признал договор дарения долей мнимой сделкой и на этом основании отказал в удовлетворении иска.

Признавая сделку мнимой, суд учел, что Самойлова А.С. предъявила иск лишь после того, как Октябрьский районный суд города Калининграда определением от 24.12.2009 изменил способ исполнения решения того же суда от 22.05.2009 по делу № 2-758/2009 о взыскании с Самойловой А.В. денежных средств в пользу гражданина Поликарпова В.Ф. и обратил взыскание на принадлежащие Самойловой А.В. доли в уставных капиталах обществ «Царево», «Балтстрой» и «Янтарный Терем».

Президиум ВАС РФ со ссылкой на п. 1 ст. 170, ст. 572 ГК РФ, ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» указал, что суды апелляционной и кассационной инстанций не учли, что фактическая передача долей одаряемому не произошла. При названных обстоятельствах, учитывая близкие родственные связи сторон договора дарения от 13.03.2009, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что сделка в отношении долей, на которые обращено взыскание по долгам дарителя, совершена лишь для вида и не повлекла соответствующих ей правовых последствий.

Согласно обновленному гражданскому законодательству (п. 4 ст. 166 ГК РФ) «суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных предусмотренных законом случаях». Прежняя редакция нормы была более либеральной (с точки зрения защиты прав истца) и устанавливала, что «суд вправе применить такие последствия по собственной инициативе» (п. 2 ст. 166 ГК РФ).

Безусловно, можно делать предположения о том, в какой мере интересы правосудия, которым был нанесен урон посредством «увода» имущества и создания ситуации невозможности удовлетворения требований, могут быть расценены как публичные. Отчуждение спорной вещи — это не столько нарушение прав лица, заявившего притязания на нее в судебном порядке, сколько вызов суду, рассматривающему дело, посягательство на публичные интересы, которыми охватывается нормальное функционирование правосудия по гражданским делам. Однако маловероятно, что разработчики закона вкладывали в обсуждаемую норму в том числе и такой смысл.

Кроме того, в настоящий момент презюмируется оспоримость сделки, не соответствующей закону (п. 1 ст. 168 ГК РФ), однако требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено ее стороной или иным лицом, названным в законе (п. 2 ст. 166 ГК РФ). В связи с этим суд оказывается ограничен в возможностях противодействовать переходу прав на имущество от участника процесса к другим лицам указанным способом.

3. *Негативная оценка судом сделок по передаче прав на спорное имущество другим лицам и их последствий*

с опорой на процессуальные средства. Опровержение перехода прав на имущество к другому лицу в период рассмотрения дела может происходить с помощью не только гражданско-правовых, но и процессуальных средств, в частности со ссылкой на необходимость добросовестного пользования всеми принадлежащими процессуальными правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). Актуальным с точки зрения имеющих у суда процессуальных средств является вопрос о парировании доводов лиц, приобретших спорное имущество в период рассмотрения дела (или в преддверии процесса) и ссылающихся на незаконность судебных актов как затрагивающих их права. Попытки вступления в дело таких субъектов в порядке ст. 42 АПК РФ имеют место на различных стадиях пересмотра судебных актов.

Нельзя отрицать, что права действительных собственников имущества, приобретших его у лица, находящегося в состоянии судебного спора по поводу этого имущества с другим лицом, также должны подлежать судебной защите, в том числе за счет обеспечения такому приобретателю возможности обжаловать судебный акт. Однако нередки ситуации, когда попытка вступления таких лиц оказывается инспирированной самим ответчиком и интересы нового приобретателя фактически являются интересами ответчика.

В подобных случаях суд может по-разному противодействовать недобросовестности; в зависимости от того, какого рода действия требует совершить от него лицо, меры суда будут асимметричны (в частности, это может быть отказ в удовлетворении жалобы лица, приобретшего имущество).

В качестве примера обратимся к Определению ВАС РФ от 14.05.2012 № ВАС-16325/11 по делу № А07-15993/2009 (А07-26374/2009).

Отказывая в передаче дела в Президиум ВАС РФ, коллегиальный состав судей ВАС РФ в Определении от 14.05.2012 № ВАС-16325/11 по делу № А07-15993/2009 (А07-26374/2009) указал, что для возникновения права на обжалование судебных актов у лиц, не привлеченных к участию в деле, необходимо, чтобы оспариваемые судебные акты не просто затрагивали права и обязанности таких лиц, а были приняты непо-

средственно об их правах и обязанностях. Наличие у лица, не привлеченного к участию в деле, заинтересованности в исходе дела само по себе не наделяет его правом на обжалование судебного акта.

Обращаясь в суд надзорной инстанции, общество «Бизнес лизинг» указало на то, что **к моменту вынесения постановления апелляционного суда оно приобрело право собственности на спорную недвижимость**. Вместе с тем само по себе признание недействительными договоров лизинга и купли-продажи, сторонами которых общество «Бизнес лизинг» не являлось, не свидетельствует о том, что оспариваемое постановление апелляционного суда было непосредственно принято о правах или об обязанностях общества «Бизнес лизинг». Вопрос же о наличии оснований для возврата обществом «Бизнес лизинг» недвижимости должнику является предметом рассмотрения по другому делу — делу № А07-16808/2011 Арбитражного суда Республики Башкортостан, в рамках которого общество «Бизнес лизинг» не лишено возможности защищать свои права, в том числе и ссылаясь на добросовестность приобретения.

На момент рассмотрения дела судом первой инстанции в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним имелись записи о регистрации права собственности на спорные объекты за обществом «Лизинговая компания „Уралсиб“». Из обращения в суд надзорной инстанции (выписка из ЕГРЮЛ от 27.03.2012, решения единственного участника общества «Бизнес лизинг» от 29.11.2010 № 4) видно, что единственным участником общества «Бизнес лизинг» является само общество «Лизинговая компания „Уралсиб“», привлеченное к участию в настоящем деле. **Отчуждение имущества в пользу общества «Бизнес лизинг» общество «Лизинговая компания „Уралсиб“» произвело в период рассмотрения спора. Однако при этом ни само общество «Лизинговая компания „Уралсиб“», ни полностью подконтрольная ему дочерняя организация (общество «Бизнес лизинг») не заявляли ходатайств о привлечении общества «Бизнес лизинг» к участию в деле.**

Факт отчуждения имущества во время производства по делу может лечь в основу вывода суда об удовлетворении иска с опорой как на материально-правовые, так и на процессуальные факторы.

Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 15293/10 по делу № А65-26510/2009-СГ3-12 отмечалось следующее.

Постановлением Президиума ВАС РФ от 16.06.2009 № 2173/09, принятым по делу № А65-9971/2007-СГ3-12/14 Арбитражного суда Республики Татарстан, было отменено постановление ФАС Поволжского округа от 11.01.2009 об удовлетворении иска общества «КамТИСИЗ» о признании за ним права собственности на административно-бытовой корпус и гараж и оставлены без изменения решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 16.07.2008 и постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2008, которыми в удовлетворении иска общества «КамТИСИЗ» к обществу «КАМАЗ» о признании права собственности на эти объекты недвижимого имущества отказано.

Однако после возбуждения Определением ВАС РФ от 17.02.2009 № ВАС-2173/09 надзорного производства по делу № А65-9971/2007-СГ3-12/14 и передачи его Определением от 29.04.2009 на рассмотрение Президиума, который 16.06.2009 вынес Постановление, общество «КамТИСИЗ» по акту приема-передачи от 14.05.2009 произвело отчуждение названных объектов путем внесения их в уставный капитал общества «Кама К» в качестве оплаты своей доли в этом обществе, а общество «Кама К» сразу же после получения объектов продало их по договору купли-продажи от 17.05.2009 обществу «ЦемИнТри», которое впоследствии произвело отчуждение этих объектов в собственность общества «Квадратный метр» по заключенному между ними договору купли-продажи от 21.09.2009.

Поскольку названные судебные акты ВАС РФ размещались на его официальном сайте, были общедоступны, в связи с чем должны были быть известны обществу «КамТИСИЗ» и другим лицам, участвующим в совершении упомянутых сделок, данные лица не могут считаться добросовестными приобретателями спорных объектов, так как не могли не знать о судебных тяжбах в отношении этого имущества, не принадлежавшего его отчуждателям.

По совершенным с указанными объектами сделкам осуществлялась государственная регистрация пере-

хода права собственности. По настоящему делу обществом «КамАЗ» иск об истребовании названных объектов из незаконного владения заявлен к двум ответчикам: обществам «КамТИСИЗ» и «Квадратный метр». Спорные объекты фактически находятся во владении последнего приобретателя — общества «Квадратный метр». Иск общества «КамАЗ» об истребовании спорных объектов из незаконного фактического владения общества «Квадратный метр» подлежит удовлетворению, так как он основан на материалах дела и нормах законодательства. Иск общества «КамАЗ», заявленный к другому ответчику — обществу «КамТИСИЗ», не подлежит удовлетворению, поскольку спорное недвижимое имущество во владении этого лица не находится.

Необходимо отметить, что эффективность прямых материальных и процессуальных средств, направленных на предотвращение негативного эффекта, возникшего вследствие отчуждения спорного имущества, является ограниченной. Например, суд не может аннулировать всю цепочку сделок по его реализации, не считаясь при этом с отсутствием заявленных исковых требований, правилами подсудности, правами приобретателей имущества, актами государственной регистрации прав в отношении него и т.д. Очевидно, что, как и во всяком судебном процессе, инициатива в деле защиты права должна полностью исходить от заинтересованного лица. Задача суда в возникшей ситуации — оказать содействие в реализации прав сторон, создать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установить фактические обстоятельства (ч. 2 ст. 12 ГПК РФ, ч. 3 ст. 9 АПК РФ).

Можно предположить, что наиболее отвечающим интересам истца будет являться *предоставление режима максимального благоприятствования посредством деформализации процедур, касающихся изменения исковых требований, приобретения статуса участников дела, актуализируемых в связи с переходом прав на имущество в ходе рассмотрения дела к другому лицу; процедур доказывания и некоторых других аспектов.*

Предлагаемая нами деформализация согласуется с логикой действующего процессуально-правового регулирования, не требует ревизии процессуальных

норм (тем более что повод для нее более чем ситуативен) и сводится к следующим позициям.

1. При переходе прав на спорное имущество в ходе рассмотрения дела к другому лицу истец должен иметь возможность изменить свои требования, с тем чтобы обеспечить защиту его права на это имущество. Данное предложение связано с тем, что вследствие перехода прав на имущество во время рассмотрения дела возникает *проблема изменения исковых требований и вовлечения в процесс обладателя прав на вещь в качестве нового субъекта процесса и (или) видоизменения процессуального статуса субъектов, уже участвующих в деле, а это оказывается не всегда выполнимым в рамках идущего процесса.*

Предположим, что в период рассмотрения иска об оспаривании сделки и применении последствий недействительности в виде возврата имущества ответчик произвел его отчуждение в пользу другого лица. Поскольку имущество в данном случае приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вынужден заявить виндикационный иск (п. 35 Постановления № 10/22). С процессуальной стороны это порождает сразу несколько проблем, обнаруживающихся в зависимости от того, по какому пути решит пойти истец: возбудить новый процесс или остаться в рамках прежнего.

Путь инициирования нового процесса явно чреват затратами процессуальных ресурсов для истца, которые могут несоразмерно возрасти в случае необходимости возбуждения нового дела по подсудности, определяемой местонахождением нового приобретателя имущества.

Помимо прочего, положение может ухудшить судьба первого процесса, поскольку истец будет вынужден либо отказаться от требования к нарушителю своего права, либо проиграть, поскольку реституционный иск окажется бесперспективным по мотиву отсутствия у ответчика отыскиваемого имущества. В свою очередь, судебный акт, укрепивший первую сделку об отчуждении имущества, позволит ответчику по второму делу сослаться на то, что в установленном законом порядке сделка с участием продавца, у которого он приобрел имущество, не была признана недействительной.

При *нахождении в рамках прежнего процесса* истцу придется изменить свои требования сразу по ряду позиций (в части способа защиты права, субъектного состава, основания иска и др.), в результате чего у суда, рассматривающего дело, могут возникнуть серьезные сомнения относительно сохранения внутреннего тождества элементов искового требования и допустимости реализации права на изменение предмета и основания иска в формате, избранном истцом.

Нелогичность возникающих ситуаций видится нам в том, что процессуальное право должно каждый раз отыскивать и предлагать какие-то правовые формы в ответ на явно саботажное поведение ответчика и лиц, выступающих приобретателями имущества. В доктрине процессуального права уже неоднократно подчеркивалось, что процессуальная форма не является какой-то самодовлеющей ценностью и важна лишь постольку, поскольку с ее помощью находят защиту нарушенные права лиц и обеспечивается справедливый итог судебного разбирательства. В рассматриваемых нами случаях легитимный переход от одних исковых требований к другим, привлечение новых участников процесса и изменение статуса действующих должны происходить с соблюдением процессуальных формальностей лишь в той степени, в какой это позволит обеспечить права ответчиков, участвующих в деле или привлекаемых в процесс. Изменение иска или предъявление новых требований не должно приводить к нарушению прав таких лиц, однако нельзя не учитывать, что необходимость в совершении этих процессуальных действий обусловлена обстоятельствами, не зависящими от воли истца, и провоцируется поведением ответчиков и лиц, имеющих общий с ответчиком интерес в сохранении имущества.

В силу принципа процессуального равноправия сторон (ст. 12 ГПК РФ, ст. 8 АПК РФ) ни одной из них не может быть предоставлен больший объем процессуальных возможностей, чем другой стороне. Возникает вопрос: соблюдается ли указанный принцип в том случае, когда истец получает возможность преследовать ответчика (соответчиков), будучи при этом связанным минимальным объемом процессуальных формальностей? Полагаем, что да, поскольку именно за счет предлагаемых средств может быть обеспечен баланс интересов сторон.

Переход прав на спорное имущество во время рассмотрения дела фактически представляет собой нелегитимную защиту ответчика от предъявленного иска, осуществляемую при этом посредством совершения мнимой сделки (п. 1 ст. 170 ГК РФ), которая призвана создать видимость принадлежности имущества другому лицу и тем самым исключить удовлетворение иска.

Отсюда истец, обладающий правом изменить, дополнить, расширить, модифицировать свои требования таким образом, чтобы обеспечить себе возврат имущества, отчужденного после возникновения судебного спора, не должен быть связан серьезными и непреодолимыми формальностями при изменении своих требований для обеспечения возврата имущества. Разрешая истцу изменить требования, суд должен ориентироваться на предмет иска, т.е. материально-правовое требование истца к ответчику², — целостность такого предмета будет обусловлена направленностью требований к возврату спорного имущества, отчужденного ответчиком после предъявления исковых требований.

2. Обоснование проявленной судом инициативы в сборе доказательств перехода прав на спорное имущество к другим лицам. Как известно, и в гражданском, и в арбитражном процессе суд освобожден от сбора доказательств по делу и принимает решение по тем доказательствам, которые представили лица, участвующие в деле (ч. 1 ст. 57 ГПК РФ, ч. 1 ст. 66 АПК РФ). Однако такая модель кажется нам в значительной степени упрощенной — нельзя не видеть того, что в ряде случаев при отсутствии необходимых доказательств суд не в состоянии будет принять решение, направленное на защиту нарушенного права собственности.

С нашей точки зрения, необходимым будет доказательство принадлежности спорного имущества определенному лицу на момент вынесения решения или незадолго до него. В отсутствие такого доказательства (например, истец представил документы, подтверж-

² Например, подобным образом понимается предмет иска в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 31.10.1996 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

дающие переход прав к ответчику, только на момент предъявления иска) перед судом возникает дилемма: удовлетворить иск, ограничившись представленными истцом доказательствами принадлежности спорного имущества ответчику, у которого оно истребуется (или изымается в любой иной форме сообразно определенному способу защиты права), и рискуя при этом нарушить права лица, которому такое имущество чисто теоретически могло быть отчуждено ответчиком после принятия иска к производству, — либо, допустив неоправданный формализм, отказать в иске под тем предлогом, что истец не представил доказательств принадлежности имущества на день вынесения решения. Если электронный документооборот между судом и органом по регистрации прав отсутствует, синхронизация моментов установления правообладателя и принятия судебного акта просто нереальна, поскольку бумажная выписка о принадлежности имущества неизбежно будет устаревать; если же спорное имущество не учитывается в специальных реестрах (как, например, отдельные виды движимого имущества), то установить, кто является его фактическим правообладателем на день вынесения решения, невозможно.

Вероятно, что собирание и представление доказательств исключительно сторонами спора не является самоцелью — это средство правильного установления обстоятельств дела судом, который на вполне законных основаниях может просить стороны представить доказательства в обоснование тех или иных обсуждаемых фактов; не исключено также, что суд может получить сведения об обстоятельствах дела из других доступных ему легальных источников, не нарушая при этом положений, относящихся к состязательности процесса (например, если этот же судья уже разрешал дело с участием тех же лиц, в рамках которого определялись факты, значимые для рассматриваемого дела).

Нормативную основу для определения права суда получать доказательства по собственной инициативе в обоих случаях можно усмотреть в том, что все эти материалы получают судом для подтверждения фактов, имеющих не столько материально-правовое, сколько процессуальное значение. Они могут использоваться для верной легитимации ответчика, быть основанием обязательного процессуального соучастия, стать причиной привлечения третьих лиц к участию в деле, способствовать последующей исполнимости решения суда, обеспечить, чтобы решение не затра-

гивало права лиц, не привлеченных к участию в деле, и стать впоследствии апелляционным поводом для отмены решения, и др.

3. При получении информации о смене собственника имущества суд должен привлечь такое лицо или лиц к участию в деле, даже если истец и не проявил для этого необходимой инициативы. Если в гражданском и арбитражном процессе суд ограничен в праве привлечения лица в качестве соответчика только ситуациями обязательного процессуального соучастия, то для привлечения третьих лиц без самостоятельных требований на стороне ответчика (или на стороне истца в случае, когда в деле предъявлен встречный иск и отчуждателем имущества выступает уже истец) нет никаких препятствий. Вовлечение в процесс такого лица заставит истца прояснить свою позицию по отношению к нему, т.е. изменить требования или ограничиться уже заявленными. В последнем случае истец может апеллировать к ничтожности сделки, в рамках которой состоялось отчуждение имущества и которая недействительна независимо от признания ее таковой судом (п. 1 ст. 166 ГК РФ).

4. Изменение требований и привлечение к делу новых лиц, участвующих в деле, не должно вести к изменению подсудности и подведомственности, при условии что дело было принято к производству с соблюдением подсудности и подведомственности. Акт отчуждения спорного имущества может привести к невозможности рассмотрения дела вследствие изменившейся подведомственности и подсудности спора, т.е. из-за изменения обстоятельств, на которые влияют такие факторы, как материально-правовой статус субъектов, вступающих в процесс, местонахождение недвижимого имущества и пр.

Несложные примеры могут убедить нас в том, что отчуждение имущества в период судебного разбирательства от ответчика к другому лицу может привести не только к трудностям в опровержении такого акта судом, но и к потере судом самой возможности дальнейшего рассмотрения дела. Например, если по рассматриваемому арбитражным судом спору двух организаций о принадлежности имущества ответчик произвел его отчуждение в пользу физического лица, намеревающегося вступить в дело с самостоятельными требованиями и утверждать свои права на спорное имущество, то при вступлении такого лица арбитраж-

ный суд будет вынужден прекратить производство по делу.

В абз. 3 п. 32 Постановления № 10/22 содержится следующая рекомендация: «В случае, когда во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было отчуждено ответчиком другому лицу, а также передано во владение этого лица, суд в соответствии с частью 1 статьи 41 ГПК РФ или частями 1, 2 статьи 47 АПК РФ допускает замену ненадлежащего ответчика надлежащим. При этом отчуждатель привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика...»

В связи с этим можно привести следующую правовую позицию ВС РФ: «При замене ненадлежащего ответчика надлежащим необходимо учитывать, что дело может рассматриваться тем же судом, если с учетом нового ответчика его подсудность не изменилась. Если подсудность дела изменилась (например, ответчик находится на территории юрисдикции другого суда), дело, исходя из положений, закрепленных в части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации, должно быть передано в суд, которому оно стало подсудно»³.

В равной степени замена ненадлежащего ответчика может привести к изменению подведомственности дела и прекращению производства (например, в ситуации, когда дело по иску юридического лица или индивидуального предпринимателя рассматривалось арбитражным судом, поскольку первый приобретатель имущества являлся юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, а новый приобретатель выступает как физическое лицо).

Если от изменения подсудности истец отчасти застрахован положениями процессуального закона о том, что дело, принятое к производству с соблюдением правил подсудности, должно быть рассмотрено судом по существу (ч. 1 ст. 33 ГПК РФ, ч. 1 ст. 39 АПК РФ), то в отношении подведомственности такое указание отсутствует⁴. Утверждение принципа неизменности рассмотрения дела, принятого судом с соблюдением правил подведомственности, в том числе применительно к случаям перехода прав на имущество во время урегулирования спора, упростит задачу защиты прав истца; более того, это послужит и защите интересов ответчика, поскольку при отказе в иске создаст определенность в отношении его прав на имущество (имеется в виду *добросовестный* ответчик, действительно заинтересованный в скорейшем рассмотрении дела, а не в затягивании процесса за счет совершения неоднократных актов по отчуждению имущества).

³ См.: абз. 4–5 п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 26.06.2011 № 11-2011-ОП «О некоторых вопросах гражданского судопроизводства по гражданским делам к судебному разбирательству».

⁴ О проблемах изменения подведомственности см.: Юдин А.В. Проблемы изменения подведомственности гражданского дела после принятия его к производству судом общей юрисдикции или арбитражным судом // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009–2010. № 7–8 / под ред. В.В. Яркова. СПб., 2011. С. 372–377.